

Святослав Воеводин

Невинное дитя в руках жестокого тирана. Целомудренная дева, прозванная блудницей. Дочь великого князя всяя Руси — Евпраксия. Ее путь начался с бегства, а любовь — с трагедии. Она была замужем за нелюбимым, а тот, кого любила, безвременно погиб. Ненавидимая родственниками мужа и заточенная в башне, девушка смогла сбежать. И оказалась в руках жестокого Генриха IV. Теперь у нее новое имя — Адельгейда. Кто она? Жена великого императора или узница настоящего дьявола в человеческом обличье? Что ждет ее теперь?..

Святослав Воеводин
ЕВПРАКСИЯ
СВЯТАЯ ГРЕШНИЦА

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-6867-8

9 786171 268678

ЕВПРАКСИЯ
СВЯТАЯ ГРЕШНИЦА

Святослав Воеводин

ЄВПРАКСИЯ
СВЯТАЯ ГРЕШНИЦА

РОМАН

ХАРЬКОВ КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
2019 ДОСУГА

УДК 821.161.1
В63

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Дизайнер обложки *Наталья Коноплич*

ISBN 978-617-12-6867-8

- © Майдуков С. Г., 2019
- © Depositphotos.com / szefei / mi-halec / vova130555@gmail.com / pioppo / kwiktor, обложка, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

Глава 1

Б раннего утра киевлян не пускали на Боричев съезд и гнали с берегов Почайны от Перунова моста до самого ее впадения в Днепр. Шибко упрямых и несговорчивых стегали плетьюми и охаживали древками копий так, что иных уносить на руках доводилось, потому что сами идти уже не могли. Торговцев и рыболовов, которые надеялись отсидеться на реке, теснили княжескими ладьями, отгоняя на версту, а то и на полторы вниз или вверх по течению.

И хотя одно и то же повторялось из года в год каждое лето, находилось в Киеве много недовольных, которые не только ворчали и ругались, но и кидались из-за заборов в служивых кто кизяками, а кто камнями. Однако и они дали деру, когда ратники пошли по дворам с обнаженными мечами, грозясь перебить всех бунтовщиков. И когда дорога окончательно опустела, по ней из града потянулся целый поезд из повозок и всадников, числом до трех сотен людей княжеского рода, приближенных и дворни. Хватало здесь также греческих и византийских богомольцев в черных ризах, ибо князь Всеволод Ярославич был ревностным христианином, Священное Писание на пяти языках читал и одежды носил диковинные, в здешних землях невиданные.

Еще крепкий и не сильно раздобревший в свои пятьдесят лет, он ехал верхом на горячем коне в сопровождении верных воевод. На кудрявой, коротко остриженной

голове его блистал золотой венец, надетый по случаю выезда, чтобы у подданных и тени сомнений не возникло в том, что перед ними любимый сын Ярослава Мудрого, славный правитель Киева, князь всея Руси, как повелел он величать себя после того, как избавился от опеки старших братьев (от самих братьев тоже) и утвердился на престоле. Густая борода доходила Всеволоду до середины груди, плащ его был расшит золотом и покрывал коня на манер шелковой попоны. То, как он покачивался в седле, выдавало в нем хорошего наездника, хотя, воцарившись в Киеве, он редко покидал терем, посвящая все свободное время чтению книг, свозимых отовсюду, где только удавалось их достать.

Молодая княгиня Анна с детьми ехала в возке, обтянутом кожей, чтобы солнце не слепило глаза и не темнило кожу. В молодости была она вылитую половчанкою со смоляными косами и узкими, словно бы вечно прищуренными глазами, но по прошествии лет внешность уроженки степей как бы сгладилась, приобрела сходство с окружающими женскими лицами, точно переняв у них выражение и черты.

Дети, рожденные Анной от Всеволода Ярославича, уже несколько не походили на половцев, как будто боги не желали, чтобы на них выливалась извечная ненависть русов к степнякам. Шестилетний Ростислав был белобрыс и розовощек, как любой другой здоровый киевский малец его возраста. Его старшая сестра Евпраксия обращала на себя внимание большими глазами, тонким прямым носом и сочными губами, всегда выглядевшими так, будто она только что полакомилась спелыми вишнями. Ей было семь, и она, возомнив из себя взрослую, старалась опекать братца, подсовывала ему сладкое и учила умуразуму. Сидя на полу возка с Ростиславом, Пракся, как звали ее близкие, показывала мальчику, как глиняный

медведь отбивается от целой своры охотничьих собак, которыми служили сосновые шишки.

— Вот вам, вот вам! — приговаривала она, ударяя медвежьей лапой по разлетающимся шишкам и успевая при этом издавать рычание и даже разноголосый лай.

— Будет вам, будет! — урезонила детей Анна. — Подъезжаем уже. Вон она, река, смотрите.

Бросив игрушки, Ростик и Пракся забрались на лавку с ногами и, толкаясь, высунули головы из окошка. Дорога проходила через песчаник, колеса водило из стороны в сторону, белая пыль вздымалась облаком, заставляя жмуриться и морщиться. Но река действительно была видна под горою и одним своим прохладным блеском радовала глаза и сердце.

— Ох и наплаваюсь я сегодня! — пообещал Ростислав, жадно глядя на водную гладь за зелеными верхушками деревьев. — Меня дядьки выучили. И саженками, и пособачьи.

— И по-рачьи, — засмеялась Евпраксия. — Под водой, задом наперед.

— Смейся, смейся! Это тебя завидки берут, что ты только лягушкой плавать можешь.

— Врешь, Ростик! Я по-всякому могу, вот увидишь.

Возок запрыгал на промоинах, прорезавших дорогу во время недавнего ливня. Гридни придерживали лошадей, чтобы не сильно пылить на господ. Черные рясы монахов сделались серыми.

На берегу возле свежесрубленных купален дежурила сотня спешившихся дружинников, остальные, растянувшись цепью, сторожили дорогу и склоны, не позволяя спуститься злоумышленникам и просто черни. Весь цвет Киева собрался подле Почайны, так что бдительность была не лишней.

Ветер раздувал полотнища, развешанные между срубов и мостков, чтобы заслонять купальщиков от нескромных

и просто любопытных взглядов. На песке сохли охапки речной травы, вытащенной из воды, чтобы не раздражала нежную кожу княгинь и боярынь. Они заняли три средние купальни, готовясь к долгожданному омовению. Одни стыдливо прикрывались, смущаясь своей наготы, другие, наоборот, выставляли животы, зады и груди напоказ, предлагая завидовать своим прелестям.

Евпраксия опасливо косилась по сторонам, как всегда слегка ошеломленная обилием мохнатых лобков, бесстыдно выставленных подмышек, растянутых розовых сосков и пупков, глубоких, как паучьи норы. Она и хотела стать взрослой, и страшилась этого. Взрослые женщины, оставаясь наедине друг с дружкой, становились не в меру смешливыми и развязными, а от их шуток и прибауток уши сворачивались в трубочки, будто листья на жару.

Не дожидаясь, пока мать закончит разоблачаться и накинёт короткую холщовую рубаху, девочка выскользнула из купальни и побежала по теплым доскам на помост, где была перехвачена нянькой Лушкой в подоткнутой нижней юбке.

— Погоди, княжна! — заволновалась она, растопырив руки, как если бы ловила вырвавшегося на свободу курчонка. — Без теток в реку нельзя. Я плавать не умею.

Проскочив под вытянутой рукой, Евпраксия, заливаясь звонким смехом, с разбегу прыгнула в воду. Ласковая прохлада объяла ее тельце с ребристыми боками и поджарым мальчишечьим задом. Босые пятки коснулись песчаного дна, пружинисто оттолкнулись и вынесли юную княжну на поверхность, будто юркого малька, спасающегося от хищной рыбыны. Раздвигая зеленоватую воду, усеянную тополиным пухом, Евпраксия поплыла на глубину, не оборачиваясь на призывные крики девки, бегающей по помосту с заломленными руками.

Волнения были напрасны. Во-первых, плавала Евпраксия хорошо, держась на воде что твой поплавок. Во-вторых, напротив купален была протянута веревка, за которую детям заплывать строго-настрого запрещалось. Вот вдоль нее и плыла Евпраксия, пока чуть не столкнулась с Ростиславом, тоже вырвавшимся на свободу раньше взрослых.

— Гляди! — прокричал он. — Вот как я могу!

Его руки заработали на манер мельничных лопастей, поднимая тучи брызг. Наткнувшись на веревку, он поднырнул под нее и поплыл дальше.

— Ростик! — позвала Евпраксия. — Ты куда? А ну,воротись!

Брат не слышал. Бахвалясь своим новым умением, он нарезал воду саженками, отдаляясь все дальше и дальше. Евпраксия в растерянности оглянулась. Перепуганная девка уже не металась по помосту, а втолковывала что-то гридням на берегу, указывая пальцем на реку. Из загородок выходили женщины и мужчины в рубахах по колено. Вот появился отец, чресла его крупного, слегка оплывшего тела были обмотаны полотном. Он увидел дочь и помахал ей рукой, усмехаясь.

Она повернула голову и ужаснулась тому, как далеко находится Ростислав. Мальчик уже не размахивал руками, но продолжал отдаляться, уносимый течением.

Недолго думая, Евпраксия окунулась с головой, чтобы разминуться с веревкой, и устремилась следом за братом, изо всех сил ударяя по воде руками и ногами. По мере того как река относила ее от берега, у нее все сильнее и сильнее захватывало дух. Оглянувшись, девочка обнаружила, что купальни сделались маленькими, как игрушечные ларчики, а лица взрослых, столпившихся там, были уже неразличимы. Несколько человек плыли к ней и Ростиславу, торопливо вскидывая руки, но находились еще

слишком далеко, чтобы можно было рассчитывать на их помощь. Не поспевали и лодочники, суетливо спускавшие на воду долбленку. Из-за спешки они перевернулись на отмели и принялись вылавливать оброненные весла.

Больше не отвлекаясь, Евпраксия поплыла за братом, который сейчас напоминал щенка, брошенного в реку и держащегося на поверхности из последних сил. Он уже греб не так бойко, и его руки почти не показывались из воды.

— Держись, Ростик! — подбадривала Евпраксия, постепенно догоняя Ростислава.

Лучше бы ей не открывать рта, потому что очень скоро она нахлебалась воды и как-то вся отяжелела. Брат уже пару раз погрузился с головой, и теперь было видно только личико его, устремленное к небу, словно он там что-то хотел увидеть, прежде чем пойти ко дну.

Евпраксия не успела. Ростислав, не издав ни звука, пропал из виду — только круги поплыли по течению, стремясь скрыть место погружения. Евпраксия набрала полную грудь воздуха и нырнула.

Желтая вода, пронизанная солнцем, была достаточно прозрачна, чтобы разглядеть в ней темный силуэт с расставленными руками, медленно опускающийся туда, где уже никакого света не было. Усердно работая ногами, Евпраксия развернулась головой вниз и, раздвигая упругую толщу, устремилась за тонущим братом.

Все происходило почти в полной тишине. Уши сдавило, звуки были расплывчатыми и приглушенными. Из рта Ростислава выскакивали серебристые пузырьки и уходили вверх, будто предлагая Евпраксии последовать за ними. Она вынырнет и будет дышать, дышать, дышать! Если промедлить еще немного, то можно не успеть. Воздуху становилось тесно в груди, он требовал, чтобы его выпустили и набрали вместо него нового.

Тем не менее Евпраксия продолжала спуск в сумрачное подводное царство. Схватив брата за рубашонку, она поняла, что не в состоянии тащить его вверх. Вес обмякшего тела почти не ощущался, но его нужно было поддерживать, а без помощи рук всплыть не получалось. Нужно было выбирать. Отпустить брата или тонуть вместе с ним. Евпраксия была готова разжать пальцы. Она не знала, что заставляет ее удерживать ткань раздувшейся в воде рубахи.

В груди был готов лопнуть набухающий огненный шар, сжигающий девочку изнутри. Тело теряло подвижность, наливаясь свинцовой тяжестью. Глаза лезли из орбит. Евпраксия умирала. Смерть была похожа на сонную одурь, на странное непреодолимое оцепенение. Не хотелось больше ни двигаться, ни жить.

Словно во сне, бессильная что-либо сделать, Евпраксия увидела, как из глубины всплыли обнаженные женщины с клубящимися, как зеленый дым, волосами. Вне всякого сомнения, это были русалки, хотя рыбьих хвостов девочка не заметила. Ниже пояса у них были самые обыкновенные ноги, сильные, гибкие и подвижные. Умело двигая ими в воде, две русалки подхватили Ростислава, а одна принялась подталкивать Евпраксию. «Наверх, вверх, — звучало в ушах. — Гребь, гребь».

Первый глоток воздуха сопровождался хрипом, напугавшим девочку. Она все дышала и дышала, и никак не могла отдышаться, а вокруг галдели взрослые, кипела вода от множества ладоней и весел, ударяющих по поверхности. Ростислава выдернули из реки, положили в лодку и начали дуть ему в рот и давить на грудь; он был весь голубой от проступивших вен, а губы его посинели.

Евпраксия не заметила, как очутилась в соседней лодке. Ее тоже попытались уложить на спину, но она сердито оттолкнула руки.

— Ростик! — позвала она, вытянув шею. — Очнись, братик, не умирай. Я тебе про русалок расскажу.

Брата стошнило, он закашлялся. Евпраксия посмотрела в воду, ища взглядом спасительниц, и уловила что-то похожее на взмах блестящей руки ниже по течению, но то могла быть и рыбина, взывавшая на поверхности. Что касается отголоска журчащего смеха, то он, конечно же, всего лишь почудился ей, поскольку русалки, как известно, выныривают из воды исключительно по ночам, когда их не могут увидеть люди.

Глава 2

Зима выдалась сырая и слякотная. Только успеет выпасть снег и лечь белым покровом на землю, как уже тает, обращаясь в склизкую слякоть, так что обувь пропитывается водой по самые голенища. Полозья саней рассекают лужи, а ноздреватые сугробы расплываются по дворам и дорогам — ни пройти ни проехать. Если после этого ночью подморозит, а потом ветер ледок отполирует, то приходится идти враскорячку, хватаясь то за стены, то за ограду.

Расположившись возле окна на детской половине, Евпраксия и Ростислав покатывались со смеху, когда внизу кто-нибудь из дворни падал на накатанных дорожках. Чтобы подготовить их, дети поднялись ни свет ни заря и до завтрака мотались по двору. Особенно лихо это получалось у Ростика. Разбежавшись, он разворачивался чуть боком и скользил по снегу, постепенно превращающемуся в лед. Ни бугорки, ни трещины не были помехой для ловкого девятилетнего мальчугана. Евпраксия, хоть и была на полголовы выше, едва за ним поспевала. Пару раз она упала, больно ушибив колено. Зато теперь было ужасно весело наблюдать за слугами.

Первой грохнулась кухарка с бадьей помоев. Следующим оказался конюх, спешивший вывести отцовского Буяна. Но смешней всего упали две девки, пытавшиеся хвататься друг за дружку, пока не повалились обе и долго еще барахтались в снегу, прежде чем сумели подняться.

Когда никто не падал, Евпраксия тоже не скучала. Зеленоватое стекло было неровным, так что одни фигурки растягивались вширь, а другие — в высоту. Как будто смотришь сквозь воду, стекающую по глазам.

— А помнишь, как мы тонули? — спросила Евпраксия.

— Ничего я не тонул, — привычно отрезал Ростислав. — Притворился, чтобы тебя напугать. А ты, дуреха, поверила.

— Это тебе за «дуреху»!

Евпраксия отвесила брату шутейную затрещину. Он отпрянул и показал кулак, шипя, как рассерженный гусак:

— Попробуй еще только! Пракся-плакса! Э-э-э! У-у-у!

Она прыгнула на него по-кошачьи, но он ускользнул за дверь, просунул голову в щель и пропел:

— Видела русалку, проглотила галку, русалка утопилась, галка удавилась!

Евпраксия сделала вид, что собирается схватить брата, и он скрылся из виду, оставив дверь болтаться на сквозняке. Стало слышно, как потрескивают дрова в печи. Евпраксия вернулась к окну и увидела, что две бабы посыпают ледяные дорожки золой. Сделалось скучно. Захотелось позвать Ростислава обратно или отправиться к нему в горницу, но Евпраксия вспомнила дразнилку про русалку, надулась и села у окна с пальцами и цветными нитками. Никто не поверил ей тогда, несколько лет назад, да и сейчас продолжали считать ее выдумщицей и обманщицей.

Отец, тот даже рассердился, услышав рассказ дочери.

— Ты, Евпраксия, брось это, — сказал он. — Не морочь голову ни себе, ни другим. Вас багром подцепили и вытащили, на что была воля Божья, а не какая-то еще.

— Разве нет русалок? А водяной как же? А щука-кудесница с золотыми плавниками?

— То не божьи твари, а бесовские отродья, — строго произнес Всеволод Ярославич. — Как увидишь их, кре-

стись и моли Спасителя нашего, Христа, дабы избавил тебя от сих видений адовых. Я, дочь моя, тоже блуждал в потемках и всякую нечисть в мысли допускал, покуда Мария мне глаза не открыла...

Он имел в виду свою первую супругу Марию, дочь византийского императора Константина Мономаха, родившую ему двух детей до того, как преставиться. Своего второго брака Всеволод в глубине души стыдился, ибо наличие жены Анны не королевского, и даже не боярского, рода означало, что он, князь всея Руси, любимый сын Ярослава, внук Владимира, правнук Святослава, зять ромейского императора, отмеченный высоким положением и благословием Всевышнего, был вынужден породниться с ханом Осенем, дабы уберечь свое княжество от набегов, но не только не добился цели, а еще и снискал к себе презрение половцев, которые справедливо усмотрели в таком поступке проявление слабости.

Насколько хороша была Анна на супружеском ложе, настолько же она раздражала Всеволода Ярославича в остальном: и нечистоплотностью своей, и неспособностью овладеть грамотой, и тягой к хмельным напиткам. Детей от второго брака князь не мог полюбить по-настоящему, не считал их ровней ни просвещенному Владимиру, ни набожной Янке. Оттого и держал их врозь, как бы отделяя зерна от плевел. Как отец, Всеволод любил и младших чад своих, и даже соборы в честь их рождения возводил, однако больших надежд на них не возлагал. Чего ждать от дочери, которая уж скоро невестою на выданье станет, а по-прежнему в сказки детские верит?

Евпраксия чутко ошущала переменчивое отношение отца к себе. И навсегда запомнила, как он отчитал ее за рассказ о том, как их с братом спасли русалки. Ей было проще признать, что все это лишь померещилось, чем настаивать на своем. Но сколько бы окружающие ни высмеивали ее

веру в невидимый мир духов и волшебных существ, она не распрощалась с ними и по сей день, когда стала совсем взрослой. Десять лет исполнилось Евпраксии, и недавно, призвав ее в свои покои, отец сказал, что подумывает о ее грядущем замужестве.

Мысль об этом была пугающей и заманчивой в одинаковой степени. Кое-какое представление о том, чем занимаются мужья и жены в опочивальнях, Евпраксия имела, собирая свои познания по крупицам: где услышит, где подсмотрит, а где и просто догадается. Завесу тайны приоткрывали также срамные частушки, которые нет-нет да и долетали до нежных девичьих ушей.

Перед сном или просто сидя одна за вышиванием, Евпраксия непременно ловила себя на том, что думает о будущем замужестве. Вот и сейчас, позабыв об иголке в пальцах, Евпраксия застыла, уставившись в стенку. Каким будет он, тот, кто однажды поведет ее под венец, кому будет принадлежать она душой и — страшно подумать — телом? Выдадут ли ее за пригожего молодца вроде Горислава, приставленного оруженосцем к батюшке? Или же муж ее будет заматерелым, могучим и волосатым, как воевода Журба? Нет, должно быть, увезут ее в дальнюю византийскую сторонку, ибо туда обращен взгляд отца. Если так, то предстоит Евпраксии жить в сказочном дворце, среди хрусталия, шелков и золота. Вопрос: с кем? Кто будет лобзать ее уста и ласкать своими сильными руками от головы до пят, раздетую донага?

Передернувшись, Евпраксия взялась руками за щеки. Они пылали, тогда как пальцы были холодными, словно сосульки. Посидев так в неподвижности, она подбежала к двери, открыла ее и крикнула:

— Лушка! Лушка, поди сюда!

Нянька появилась сразу, торопливо и как-то воровато утирая рот. Было непонятно, целовалась она с кем-то тай-

ком или ела варенье без спросу, потому что за ней водились оба эти греха. У нее была большая грудь, распирающая сарафан, и тонкая коса, смахивающая на коровий хвост. От нее всегда хорошо пахло мятой и другими душистыми травами.

— Чего тебе, княжна? — спросила она, сладко улыбнувшись.

И опять непонятно было, поцелуи ли были тому причиной или ворованные сладости.

— Коляды скоро, — сказала Евпраксия. — Готовиться пора.

— Неделя еще, — ответила Лушка. — Али невтерпеж? Ох и попляшем!

Она думала, что девочку влекут пляски ряженых, пряники и подарки, но заблуждалась.

— Помнишь, ты рассказывала мне, как с девками перед зеркалом гадала? Вот и я так хочу.

Нянька вдруг всполошилась и даже икать начала, а затем, приложив растопыренную пятерню к прыгающей груди, сказала:

— Что ты, что ты, Праксюшка! Погубить меня хочешь? Меня и так едва со двора не прогнали за ваши плавания! Так плетью отходили, что неделю сидеть не могла. За гадание вообще голову снимут. Даже не проси, милая. Нельзя тебе. Мы же теперь вроде христиане.

Лушка собрала пальцы в щепоть и перекрестилась, предварительно задумавшись, в какую сторону класть крестное знамение.

— Голову с тебя и так снять могут, — произнесла Евпраксия, равнодушно глядя в окно. — Вот узнают, что ты варенье из кладовой таскаешь или про то, как с Елисеем по углам тискаешься, тогда что?

— Неправда твоя! — быстро воскликнула Лушка и икнула, не успев прикрыть рот.

Получилось похоже на лягушачье кваканье.

— Что ж, поглядим, — пожала плечами Евпраксия. — Ты иди, няня. Я шить буду.

— Хотя погадать, конечно, можно, — заговорила Лушка другим тоном, как бы размышляя вслух. — Ежели никому не говорить.

— Не будем.

— Ну ладно. Разве ж я могу тебе отказать в чем? Ты мне заместо дочери родной. Уж так люблю тебя, так люблю...

Нянька потянулась губами, чтобы поцеловать Евпраксию, но девочка, вспомнив вечно мокрый нос Елисея, отстранилась от нее. Велела прийти ночью после колядок и отпустила. А потом несколько дней прожила как в лихорадке, изнывая от нетерпения.

Накануне праздника ударил трескучий мороз, а месяц, повисший в небе, был холодным и блестящим, как наточенный серп. Взрослые пировали несколько дней подряд, то призывая детей за праздничный стол, то забывая об их существовании. От обилия гостей во дворе и теремах было не протолкнуться. Светелка Евпраксии была завалена подарками от родни, крестных и бояр, к князю допущенных. Народ гулял в звериных шкурах и масках, неожиданно пускался в пляс и так же неожиданно валился с ног, кто под забором, кто просто в снег. Напившиеся бабы орали песни про «блядки-колядки» и визжали как резаные, когда их растаскивали по темным углам.

Евпраксия опасалась, что в этом угаре Лушка забудет про их уговор, но нянька не подвела. Явилась в срок, румяная, шальная, хмельная. Велела Евпраксии снять с себя все амулеты и украшения, спросила, приготовила ли она второе зеркало, проверила свечи, огниво и качнула головой: пойдём, что ли. Ступая бесшумно, крадучись, они спустились по черной лестнице в баню для дворовых баб, заперлись изнутри на засов и стали шушукаться.

— Вот смотри, — объясняла Лушка, совершая необходимые приготовления, — зеркалá я на лавке ставлю, так чтобы одно в другое глядело.

— На коридор похоже, — прошептала Евпраксия. — И всюду свечи, свечи. Будто бы их тут целая тысяча, а не две.

— Раздевайся, Пракся. На теле не должно быть ничего, кроме исподней рубашки. Все остальное — долой.

Пока они избавлялись от лишней одежды, нянька объяснила девочке, что разговаривать друг с дружкой нельзя, а надобно молча смотреть в зеркало.

— Как я суженого твоего вызову, — продолжала она деловито, — он непременно появится и пойдет к тебе. Тогда ты должна выкрикнуть: «Чур меня!» Смотри не забудь.

— А то что будет? — спросила Евпраксия, переходя с шепота на едва слышный шелест.

— А то выйдет из зеркала — и тогда берегись, — пояснила Лушка, крестясь. — Он ведь не настоящий человек будет, а один только облик, как в сновидении. Тронет за щеку — родимое пятно на пол-лица выступит. Обнимет — ни молока, ни детей не будет. А ежели поцелует, то хуже всего. Поцелуй — на смерть. Что, княжна, не передумала?

Глаза няни диковато блестели в отблесках пляшущих язычков пламени.

Евпраксия молчала, собираясь с духом.

— Быстрой решай, — поторопила ее Лушка. — К полуночи банник из-под полка выползет, защекочет, а то и кожу обдерет. Надо было для него ржаную горбушку с солью захватить, да я позабыла совсем.

— Банник? — переспросила Евпраксия все тем же шелестящим шепотом. — А какой он? Ты его видела?

— Не только видела, а поленом раз огрела. — Лушка фыркнула наполовину смешливо, наполовину опасливо. — Мылась одна спозаранку, глядь — а в углу старик голый

сидит, беззубым ртом слюни пускает. Лапищи свои ко мне протянул, я — за чурку березовую. Так и познакомились.

Говоря это, няня бросала опасливые взгляды по сторонам. Страх Лушки показался Евпраксии напускным. Прищурившись, она сказала:

— Не надейся, что я сбегу, банщика испугавшись. Давай гадать будем. Хочу своего жениха увидеть.

— Потом не жалуйся, — предупредила Лушка. — И не забудь «Чур меня!» кричать.

— Не забуду.

— Ладно. Смотри в зеркало. Молчи и не мигай.

Евпраксия застыла. Коридор, озаренный свечами, тянулся вдаль и уходил в никуда.

— Суженый-ряженный, — бормотала Лушка, — приходи не в саже. Приходи на ужин, очень ты нужен...

Евпраксия хотела сглотнуть, чтобы смочить пересохшее горло, и не сумела. В дальнем конце коридора произошло какое-то шевеление.

Суженый-ряженный, приходи не в саже...

Движение повторилось. Кто-то приближался. Об этом можно было судить по тому, как исчезали алые огоньки, заслоняемые от глаз девочки.

Приходи на ужин...

Подбородок Евпраксии отвис и мелко задрожал. К ней приближалась не одна мужская фигура, а несколько.словно целая череда силуэтов надвигалась из мрака, торопясь добраться до обратной стороны зеркала, пока его не убрали.

Очень ты нужен...

Евпраксия беззвучно пошевелила губами. Она была не в силах произнести отворотное заклинание. Язык не слушался. Волосы на голове зашевелились, как от нашествия вшей, но это ужасом повеяло.

— Кто там, кто? — тревожно спросила Лушка, заметив изменившееся и побледневшее лицо воспитанницы. — Батюшки! — вскричала она, заглянув в черный проем зеркала. — Гони их, Пракся, гони скорее! Пропадем!

Как будто это было так просто! Заклинание вылетело из головы Евпраксии вместе со всеми остальными словами. Она видела приближение целой толпы скалящихся, гримасничающих, гогочущих мужчин и цепенела все сильнее, понимая, что вот-вот они всем скопом доберутся до нее — и тогда конец. Вот уже и Лушка с повизгиванием выскочила из бани, оставив девочку одну. Неужели ничего нельзя сделать? Неужели Евпраксия так и будет сидеть, дожидаясь, пока с ней сотворят что-то ужасное?

Она выставила перед собой руки, как бы желая закрыть выход из зазеркалья, но поняла, что это ее не спасет. Тогда пальцы обхватили полированную раму зеркала, подняли и с размаху грохнули об пол.

Когда несколько минут спустя Лушка отважилась вернуться и украдкой заглянула в баню, Евпраксия сидела на прежнем месте и, склонив голову, тупо смотрела на сотни осколков, раскиданных по полу и исправно отражающих пламя свечей.

— Они меня не схватили, — сказала она. — Я им не далась.

Лушка обнаружила, что стоит не дыша, и набрала полную грудь воздуха.

— Беда, — пролепетала она. — Быть беде.

На следующий вечер ее нашли в каморке с перерезанным горлом, рядом валялся нож Елисея, а сам Елисей бесследно исчез из Киева. То ли Лушка понесла от него, то ли чем-то вызвала его ревность, то ли он ограбил ее и подался в разбойники, неизвестно. А с Евпраксией ничего худого не приключилось. Она была еще совсем ребенок. Все беды и напасти ожидали ее впереди.

Глава 3

Известие о приближении сватов из Германии застало Евпраксию врасплох. Ей только-только сравнялось двенадцать, когда отец призвал ее к себе и в присутствии потупившейся матери произнес:

— Возрадуйся, дочь моя. Сваты Генриха Штаде приехали твоей руки просить. Он знатный граф немецкий, правитель Саксонии. Отдам тебя за него, утру нос Ярополку. Он думает, что раз женат на графине немецкой, то можно родному дяде кукиши крутить?

Евпраксия почувствовала, что ноги ее подкосились, и искала взглядом опору, чтобы не упасть. Ничего подходящего поблизости не оказалось, так что пришлось крепиться самой. Оруженосец отца, юный Горислав, сделал к Евпраксии едва заметный шаг и замер, пригвожденный к месту взглядом князя.

— Ступай к себе, готовься, — велел Всеволод Ярославич дочери. — Не завтра, так послезавтра попрощаешься с отчим домом. Всякой птице время покидать родное гнездо. Так и ты, Евпраксия. Не бойсь, не бойсь! Неужто забыла, что имя твое значит? В переводе с греческого — Счастливая. Так что ничего худого с тобой не случится.

Мир расплывался перед глазами Евпраксии. Она не про имя свое думала, а вспоминала злосчастное гадание в бане. Как будто то зеркало, прежде чем было разбито, обратилось во врата преисподней, сквозь которые адские

обитатели явились за нею. И первым в той череде шел муж-германец.

— Не робей, дочка! — подмигнул отец, разглаживая шелковистую бороду на груди. — Граф Генрих не стар и не уродлив. Двадцать лет — не возраст для мужчины.

— К тому же он высок и статен, — добавила мать. — Так говорят. Не зря же в народе прозвали его Длинным.

Она поощрительно улыбнулась дочери, словно им вместе предстояло узнать и разделить какую-то тайну.

Родители еще немного поговорили, а потом отец опять велел Евпраксии собираться к встрече гостей. Она кивнула, выдавила из себя какие-то приличествующие случаю слова и отправилась к себе. Однажды, бегая по галерее, Евпраксия с размаху ударилась лбом о притолоку и потом долго страдала от головокружений и слабости. Нынешнее самочувствие походило на то. Пол кренился, ступени уходили из-под ног, стены плыли перед глазами. Служанки и подруги пытались приблизиться к Евпраксии, но она отгоняла их взмахом руки, как назойливых мух. Ей хотелось как можно быстрее остаться одной, чтобы все обдумать и найти слова, которые смогли бы переубедить отца. Наивная двенадцатилетняя девчонка, она имела весьма поверхностное и радужное представление о политике и людях, которые эту политику делали.

Всеволод Ярославич не принял дочь. Зато в ее покои явилась княгиня Анна и стала заливаться соловьем, расписывая прелести взрослой и, в частности, супружеской жизни. Она убеждала дочь не бояться Генриха.

— Длинный — оно даже хорошо, — рассуждала она, непонятно улыбаясь. — Муж должен быть большим. Привыкнешь, ничего. Стерпится — слюбится. Зато будешь жить во дворце каменном, вся в парче и золоте. Войдешь во вкус, назад уже не потянет. Ни за какие коврижки не захочешь возвращаться.

— Захочу, — возражала Евпраксия, утирая красные глаза. — Мне здесь все мило. Это родина моя. А на чужбине что? Ни родных, ни близких. Буду одна-одинешенька.

— Детки пойдут, вот тебе и первая отрада. А вторую, и самую главную, сама для себя откроешь. Нас, женщин, не только мужья тешить могут.

— Ты про что, матушка? Не понимаю я тебя.

— И не надобно теперь, — улыбалась Анна, и глаза ее жмурились, как у кошки, которой за ухом чешут. — Потом узнаешь.

Всю ночь не могла уснуть Евпраксия, чувствуя себя несчастной и преданной. Родители от нее отказались и, похоже, даже были рады сбить чужеземцу, который сам приехать не сподобился, а выслал вместо себя сватов. И когда только отец успел сговориться с этим Длинным Генрихом? Видать, переписка промеж ними велась, а Евпраксию в известность поставили лишь в последний момент. Теперь стало понятно, для чего к ней приставили сразу двух учителей немецкого языка, один из которых обучал девушку речи и манерам, а второй читал с нею скучную толстую книгу и велел переписывать оттуда целые страницы. Все было решено давно и заранее. Отец и матушка обманывали Евпраксию, ведя переговоры за ее спиной.

Она то плакала, то ворочалась, то грызла угол подушки в тоске, а на рассвете поднялась на башню подышать душистым весенним ветерком и послушать соловьев в рощах. Небось, там, в Неметчине, и птицы петь по-настоящему не умеют. Если немцы дома́ из камня возводят, то, выходит, и деревьев у них нет, все повырубили. Голо, наверное, пусто, глазу не за что зацепиться. И ходят немцы все поголовно постные и унылые, а самый высокий и худой из них — граф Генрих Штаде. Костистый, холодный. Ляжет рядом и начнет лапать, а ты ему слова поперек не скажи...

Нить размышлений Евпраксии прервалась, когда взгляд ее уловил какое-то движение на соседней башне отцовского терема. Обратив туда глаза, увидела она в проеме бойницы Горислава, показавшегося ей очень бледным и печальным. Должно быть, сумрачное освещение было тому виной, потому что при виде Евпраксии юноша заулыбался и помахал ей рукою. Она хотела было пожелать ему доброго утра, но вспомнила, что все еще спят в этот ранний час, и тоже подняла руку.

Горислав высунулся из бойницы, намереваясь что-то сказать. Евпраксия сделала вид, что не заметила, и покинула башню. Ей нравился оруженосец отца, но приличия не позволяли проявлять чувства. Кроме того, за ними могли подглядывать, а Евпраксии вовсе не хотелось, чтобы по детинцу поползли сплетни о ее тайных встречах с Гориславом. Мало ли как истолкуют их случайную встречу. Донесут отцу, он осерчает и накажет слугу, а то и прогонит. Было бы обидно, ведь Горислав один из тех немногих мужчин, которые не вызывали у Евпраксии опаски.

Хотя теперь все равно, подумала она, вернувшись в почивальню. Не будет больше рядом Горислава, и соловьи не споют, и солнышко таким красным, как здесь, не будет. Детство кончилось. Начинается взрослая жизнь.

Едва Евпраксия прилегла, чтобы наверстать сон, упущенный ночью, как ее подняли и принялись купать, умащивать, расчесывать и наряжать. От обилия боярынь с их советами и нравоучениями голова, что называется, шла кругом. Гостей в детинце собралось видимо-невидимо, все судили, рядили, шушукались и бросали возбужденные взгляды по сторонам. На гостей из далекой Саксонии смотрели с любопытством, замешенным на зависти, ненависти и необъяснимой приязни.

Уже сами немецкие кони, их упряжь и сбруя сильно отличались от всего того, что привыкли видеть в Киеве, а про

всадников и говорить нечего. Одежания их поражали обилием вышивок, застежек и складок, волосы и бороды были стрижены, заостренные шапки придавали им росту более обычного, а в речи чудилось лязганье железа.

Из всех, кому была представлена Евпраксия, запомнился ей лишь молодой барон Фридрих фон Дюрент, который вышагивал, так сильно выпячивая грудь и оттопыривая зад, что напоминал пляшущего журавля. Отвесив замысловатый поклон князю Всеволоду и приближенным, сгрудившимся возле трона, он объявил, что прибыл по повелению маркграфа, дабы произнести вместо него все причитающиеся речи и совершить все необходимые обряды, после которых киевская принцесса удостоится чести стать законной невестой его сиятельства Генриха Штаде.

Толмач был немецкий и переводил, сильно коверкая слова. Несомненно, они резали слух Всеволода Ярославича, потому что за время напыщенной речи посла он успел несколько раз сменить позу, а костяшки его пальцев, сжимающих подлокотники, заметно побелели. Бояре и воеводы стояли прямо, будто аршин проглотили; гости же держались настолько вольно, что позволяли себе подбочениваться или переплетать руки на груди.

Выслушав барона, князь Всеволод обратился к нему на немецком языке, рассчитывая тем самым поразить фон Дюрента, но тот воспринял это как должное и сохранил горделивую позу. Евпраксия понадеялась, что отец вскипит и зазнайку погонят взащей из Киева, однако ничего подобного не произошло. Она была взята немцем под руку и отведена в Софию, где их освятили и причастили, осыпая пшеницей и хмелем. В знак согласия выйти замуж Евпраксии пришлось прилюдно расплести косу и поклониться барону, коснувшись рукою пола. После чего в пиршественную палату с уже накрытыми столами были внесены немецкие дары и девичье ложе из опочивальни невесты.

Согласно обычаю, Евпраксия откинула покрывало, демонстрируя собравшимся девственную чистоту постели. Сватам полагалось лишь оценить увиденное и значительно покивать, однако заезжему немцу из баронской свиты вздумалось пощупать простыню, да еще с гнусной ухмылкой на физиономии. При этом он отпустил негромкую шутку, произнесенную только для ушей соотечественников, которые заулыбались, уставившись на юную княжну, залившуюся краской по самые плечи.

Всеволод Ярославич похолодел, сознавая, каким позором покроется его имя, ежели он не поставит на место зарвавшихся сватов. При всей своей набожности князь когда надо мог и вырывать языки поганые, и выкалывать глаза, глядевшие без должного почтения. Однако же поступить так с послами означало навлечь на себя гнев правителей куда более могущественных, чем он сам. Кроме того, киевскому князю пришлось бы попроситься с затеей породниться с германцами и сойтись с ними во многих жизненно важных вопросах. Памятуя эти обстоятельства, он хотел было лишь осадить наглеца грозным окриком и уже собирался сделать это, когда на сцену выскочил его шестнадцатилетний оруженосец.

Всеволод приставил к себе юношу по примеру иноземных королей и императоров, на которых стремился походить во всем. Оказав честь Гориславу, князь заодно возвысил и благодетельствовал весь род Мстиславичей, преданных ему отныне. Обычно оруженосец держался где-нибудь поблизости, незаметный, но всегда готовый услужить и принести требуемое. Но сегодня выдержка изменила ему. Вырвавшись из рядов придворных, он в два прыжка достиг шутника и оттолкнул его с такой силой, что тот неуклюже пошел на каблуках и пятился до тех пор, пока не был подхвачен соратниками.

— Не суй руки, куда не просят! — воскликнул Горислав.

Толмач перевел, хотя и без этого смысл отповеди был ясен всем присутствующим.

Всеволод Ярославич с облегчением откинулся на спинку трона. Оруженосец вмешался очень вовремя и поступил единственно правильным образом. Оружие обнажено не было, немец не пострадал, все произошедшее можно было списать на горячность Горислава или вообще представить продолжением шутки. Вместе с тем послы получили отпор, которого заслуживали. И если бы теперь они попробовали отомстить обидчику, то предстали бы в глазах свидетелей зачинщиками.

— Как ты посмел, пес, коснуться дворянина? — с пылающим взглядом прорычал барон фон Дюрент, выдвигаясь вперед. — А вот срублю тебе поганую руку, чтобы впредь не тянулся, куда не просят.

В подтверждение своих слов он слегка вытащил меч из ножен. Горислав, которому носить оружие в княжеских покоях не полагалось, стиснул кулаки, скрипнул зубами и не отступил ни на шаг.

— Спокойствие, господа! — произнес Всеволод Ярославич, воздевший руку так, что рукав парадного кафтана упал до локтя. — Не омрачайте праздник враждебным поведением. Молодые головы на то и молоды, чтобы горячиться по малейшему поводу. Но мужчина становится мужчиной лишь тогда, когда способен обуздать свой нрав.

Сказанное возымело должное действие. Хоть и гневался барон шибко, а не хотел выглядеть в глазах окружающих человеком, не владеющим собой.

Меч с щелчком провалился в щель ножен. Горислав разжал кулаки. По палате пронесся облегченный гул голосов. Евпраксия обнаружила, что все это время кусает нижнюю губу, на которой уже ощущался привкус крови. Это было вызвано не возмущением, а страхом за Горислава, вступившегося за ее честь.

Когда гостей пригласили за стол и стали рассказывать согласно их чину и положению, Евпраксия улучила момент и попросила отца:

— Батюшка, отпусти Горислава со мной в путь-дорогу. Он меня в обиду не даст.

Всеволод Ярославич важно кивнул, разглаживая бороду:

— Я и сам так решил, доченька.

Приличия не позволяли послать с Евпраксией дружину, ибо это свидетельствовало бы о недоверии к послам. С другой стороны, такое недоверие действительно зародилось в душе князя после выходки нахального свата. Оставь с такими наедине молодую девицу, еще неизвестно, доставят ли ее маркграфу в целости и сохранности или же подпортят товар, чтобы ославить Киевское княжество на весь мир. Присутствие Горислава казалось отличным способом уговорить немцев и заставить их держаться в рамках приличий. А чтобы не погиб парень случаем в дороге, нужно будет послать с ним пару достойных бояр, при которых барон своевольничать не станет.

Обдумав все это, князь ласково потрепал Евпраксию по щеке и указал ей на место подле фон Дюрента. Мысленно он успел попрощаться с нею, а потому даже не проводил ее взглядом и уставился в блюдо, которое стояло перед ним. Как всегда, после сильных волнений князя одолел приступ голода.

Глава 4

Но пути к Золотым воротам процессии пришлось протискиваться сквозь напирющую со всех сторон толпу. Каждому хотелось поймать если не монету, то пряник или какие-нибудь безделушки, разбрасываемые князем и его свитой. Все жадно разглядывали блистающих церковных иереев, грозных воевод в полном облачении, ратников, покрытых кольчужной чешуей, нарумяненных боярынь и немцев в ярких плащах. Особое любопытство вызывали величественные верблюды, отбитые недавно у половцев и нагруженные приданым княжны. Киевляне, плясая на сундуки и тюки, свисающие с мохнатых горбатых спин, судили и рядили, как много добра там вместилось, и пытались угадать, сколько золота и драгоценных камней получит немецкий граф за женитьбу на малолетней Евпраксии.

В общем, проводы удались на славу.

Купола сверкали, рога гудели, колокола звонили, люди голосили, пронырливые мальцы шныряли под брюхами коней и хвастались находками, кто оброненным платком, а кто отвалившейся подковой. Девки и бабы обсуждали наряды процессии и втайне представляли себя женами знатных мужей.

Евпраксия ехала в резной повозке, похожей на небольшую ладейку с лебединой головкой на изящно выгнутой шее. Бока были выполнены в виде сложенных крыльев, так что со стороны казалось, будто княжна плывет на лебедь

по людскому морю. Была она совсем еще девочка, худенькая, с острыми плечиками, но уже вполне приметной грудью и яркими губами. При езде не раскачивалась, за борта не держалась, сидела очень прямо, с высоко поднятой головой. Кроме нее и кучера, в возке никого не было, ибо сосватанной невесте полагалось держаться особняком.

Три служанки, отправленные сопровождать Евпраксию в дальней дороге, расположились в настоящем доме на колесах, увлекаемых упряжкой откормленных волов, которые заодно везли необходимые вещи, припасы и утварь. Туда же предстояло пересечь и княжне, когда сопровождающие отстанут на Белгородской дороге. Там для нее была готова отдельная комнатка с лавкой, застланной пушистым ковром, и ларем, собранным Евпраксией собственноручно.

Выйдя из киевских ворот, обоз растянулся через мост по белой дороге, пролегающей меж зеленых лугов и кудрявых рощ. Пешие и конные сворачивали на обочины и стояли там, пропуская мимо себя бесконечную процессию. Одних повозок ехало столько, что пыль поднималась до самого неба, заставляя чихать и кашлять и степенных священников, и грозных гридней, и расторопных коморников¹, и немецких рыцарей, раздувшихся от важности в своих походных латах.

Одни только волы сохраняли полную невозмутимость и шли себе вперед, роняя капли зеленой жвачки на землю. Им было все равно, куда идти и где завершится их путь. Их дело — переставлять ноги и послушно сворачивать куда надо. Но разве такой была двенадцатилетняя девочка, с каждой минутой все больше отдалявшаяся от дома и знавшая,

---

¹ О слова «комора» — комната для хранения припасов, соответственно, коморник — это человек, там работающий либо в качестве кладовщика, либо грузчика. В более широком смысле — работник в доме вообще. (*Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.*)

что больше никогда не суждено ей увидеть ни самого Киева, ни его окрестностей с манящими проблесками Днепра, ни его проток и бесчисленных озер? Сердце Евпраксии разрывалось, как разрывалась она сама — между прошлым и будущим, между родиной и чужбиной, между детством и взрослой жизнью с незнакомым мужчиной. Отстраненно прислушиваясь к пению жаворонков в солнечной синеве, она завидовала им, потому что сердечки пичуг не были омрачены необходимостью покидать родимый край.

Проехав около трех верст, процессия остановилась. Стих неумолчный скрип колес и топот копыт. Было слышно, как перекликаются лягушки в недалекой заводи.

Евпраксия посмотрела на белое облачко, проплывающее над головой, и взмолилась: «Господи, сделай так, чтобы отец передумал. Пусть подъедет ко мне и скажет, что нечего мне делать в немецкой стороне. Скажет, что погорячился, что любит меня и никуда не отпустит. Не отдаст Генриху Длинному».

Отец не просто подъехал, но и спешился. Евпраксия торопливо выбралась из своего возка. Он взял ее за плечи, приблизил к себе и торжественно поцеловал в лоб.

— Что ж, прощай, дочь. Даст Господь, свидимся еще. Не здесь, так в Царствии Небесном.

Евпраксия подняла глаза, полные слез. Отцовский силуэт был темен на фоне лазури. Ей вспомнились мужские фигуры в зеркальном коридоре, спешащие к ней, чтобы смять и растерзать.

— Прощай, батюшка, — проговорила Евпраксия, с трудом двигая губами.

Из-за спины Всеволода Ярославича появились мать и брат. Они тоже попрощались. Глаза матери слезились, нос покраснел. Она держала в кулаке смятый платочек. Ростислав не скрывал радости. Он один оставался с отцом

Літературно-художнє видання

ВОЄВОДИН Святослав
Євпраксія — свята грішниця

Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *О. М. Шелест*
Редактор *С. М. Губська*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 18.09.2019. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 13,44. Наклад 6000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24. Е-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано згідно з наданим оригінал-макетом
у друкарні «Фактор-Друк»
61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Литературно-художественное издание

ВОЕВОДИН Святослав
Евпраксия — святая грешница

Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *О. Н. Шелест*
Редактор *С. М. Губская*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 18.09.2019. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literaturna». Усл. печ. л. 13,44. Тираж 6000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24. Е-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано согласно предоставленному оригинал-макету
в типографии «Фактор-Друк»
61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Безневинне дитя, яке потрапило до рук тирана. Цнотлива діва, яку прозвали блудницею. Дочка великого князя всієї Русі — Євпраксія. Її шлях розпочався зі втечі, а кохання — із трагедії. Тринадцятирічною дівчинкою її віддали заміж за деспота, який нещадно знущався з неї, а той, кого вона покохала, передчасно загинув. Ненависна родичами чоловіка, вона була заточена в башті. Коли ж Євпраксії вдалося втекти, вона несподівано опинилася в руках імператора Генріха IV. Тепер у неї нове ім'я — Адельгейда. Хто вона? Дружина великого імператора або в'язень справжнього диявола в людській подобі? Що чекає на неї?..

Воеводин С.

В63 Євпраксія — святая грешница : роман / Святослав Воеводин. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 256 с.

ISBN 978-617-12-6867-8

Невинное дитя, попавшее в руки тирана. Целомудренная дева, прозванная блудницей. Дочь великого князя всея Руси — Евпраксия. Ее путь начался с бегства, а любовь — с трагедии. Тринадцатилетней девочкой ее отдали замуж за деспота, который нещадно издевался над ней, а тот, кого она любила, безвременно погиб. Ненавидимая родственниками мужа, она была заточена в башне. Когда же Евпраксии удалось сбежать, она неожиданно оказалась в руках императора Генриха IV. Теперь у нее новое имя — Адельгейда. Кто она? Жена великого императора или узница настоящего дьявола в человеческом обличье? Что ждет ее теперь?..

УДК 821.161.1